

Прообраз этой книги впервые появился около пятнадцати лет назад и назывался «Обнаженная Япония. Эротическая традиция Страны солнечного корня». С тех пор случилось несколько переизданий, в которые были внесены изменения и дополнения. Прошло время, интерес читателей к теме не ослабел, а вот многие аспекты, связанные с современной культурой секса в Японии, довольно сильно изменились. Проявились новые тенденции, которых мы не ждали, а что-то, наоборот, ушло в тень и почти забылось. Настало время вновь обратиться к этой теме и бросить нескромный взгляд за ширму японской спальни. Нескромный и очень личный. Субъективный. Книга, которую вы держите в руках — не культурологическое, психологическое, этнографическое или какое-либо иное исследование. Это попытка понять, почему эта страна в вопросах сексуальной культуры развивается именно так, а не иначе, разобраться, почему ее народ ведет себя в интимных делах таким, а не каким-либо иным образом. Ну и, конечно, подумать о том, что ждет их и нас в будущем. Ведь Япония — все еще страна будущего?

Да, Япония... Страна романтических грез миллионов людей со всех концов земного шара. С тех пор как она открылась взорам европейцев, о ней слагали мифы и легенды, рассказывая о необыкновенных запасах золота, чудесах природы, о диковинных обычаях и их носителях: самураях — идеале мужественности; и о гейшах — эталоне

женственности. Со временем люди узнали, что золотых слитков в Японии нет, природа красива, но сурова, и европейцам к жизни в японских условиях приспособиться трудновато. Из всего бывшего очарования, из мира европейских грез о Стране восходящего солнца на плаву остались только гейши и самураи. Но оказалось, что и этого вполне достаточно, чтобы на протяжении сотен лет тревожить воображение неазиатских жителей планеты, ищущих идеала во всем. Прежде всего в личной жизни.

Путешественники, первыми побывавшие в Японии, с удовольствием рассказывали не только о природе, религии и политическом устройстве этого края Земли, но и (далеко не в последнюю очередь!) о странных привычках японцев в интимной сфере — настолько они были удивительны. Утонченные гейши, таинственные куртизанки-дзёро, brutальные и не очень монахи-гомосексуалисты и запечатлевшие весь этот набор эротические гравюры-сюнга всегда ужасали и восхищали жителей Европы и Америки. Пропорции этих противоречивых эмоций менялись с течением времени: если в XVI веке христианский Запад уверенно знал, что язычники-японцы начисто лишены стыда, и их надо «перековывать», втискивая в рамки христианской морали, то ближе к веку XX у европейцев появились большие сомнения в собственной правоте — слишком уж заманчиво выглядели так и не перековавшиеся до конца японские «развратники» и «развратницы».

Вот уже более полутора столетий сердца белых иностранцев не в силах биться спокойно при слове «Япония». Самонадеянные и поначалу неколебимо уверенные в том, что их шкала ценностей может быть единственно верной, они решили, что скоро тайны японской интимной жизни раскроются перед ними, и они изменят эту жизнь так же легко, как изменили внешний вид японцев, переодев их в европейские костюмы и платья. Подгоняемые желанием познать любовную экзотику, «красноволосые варвары» открыли эпоху сладострастных описаний японских сексуальных нравов в журналах путешествий, в восторженных романах о гейшах и полунаучных исследованиях эротической культуры, восторгаясь этими нравами и осуждая их одновременно.

Очень скоро стало ясно, что в рамки обычных представлений об эротике, пусть даже и восточной, японские реалии не вписываются. Да и ожидания во многом оказались обманутыми. Выяснилось, например, что японцы гораздо охотнее говорят о сексе, чем занимаются им. Отношения между мужчинами и женщинами выглядели простыми и естественными, но на самом деле были запутанными и сложными. Причем чем больше европейцы пытались в этом разобраться, тем труднее им становилось докопаться до истины. Вроде бы понятные и стройные умозаключения не выдерживали элементарной проверки практикой, не стоили выеденного яйца при более глубоком погружении в тему. Японская эротическая культура оказалась древней, многомерной и при этом постоянно меняющейся и мастерски ускользающей от понимания. К тому же попытки здравомыслящих суждений и научного анализа легко вытесняли яркие, любимые охочим до сальностей западным народом, легенды, в которых гейши и проститутки стали одним целым, а роль мужчины в семейной жизни ограничивалась готовностью в любой момент совершить хакари.

Прошли десятилетия, и Япония, став одной из самых экономически развитых стран мира, так и не перестала быть непонятной и таинственной даже для самых нескромных европейских взглядов — взглядов за ширму японской спальни. В остальном мире отшумела сексуальная революция, о самых интимных аспектах вопросов семьи и брака стали говорить уже совсем без всякого стеснения, и тут вдруг оказалось, что японцы, о которых уже начали подзабывать, снова оказались впереди планеты всей. На этот раз они научились обсуждать, рисовать и снимать это едва ли не лучше всех. Показалось, что наконец-то японское общество открыло для всех желающих тайны своей интимной жизни, но... понятнее от этого она все равно не стала. Шок, в который на протяжении нескольких десятков, а то и сотен лет повергали иностранцев особенности японского национального секса, стал еще глубже. Выяснилось, что даже знаменитые гейши и шокирующие сунга — суцая ерунда по сравнению с тем, чем японцы занимаются сейчас. Анимационные фильмы, при показе которых, кажется, краснеет даже экран, салоны с

изошренными приспособлениями для «извращенцев», «отели любви» как повод для национальной гордости, странные семейные отношения — все это, бесстыдно открытое чужому взору, не только в очередной раз привело европейцев в глубокий ужас, но и снова заставило воспылать страстью к японкам и японцам, которые теперь уж точно имели право на титул «самых сексуальных существ во Вселенной».

Интернет, глобализация, активное и явное включение подростков в сексуальную жизнь довели вождение белых до предела. Вот уже и русские девушки-журналистки пишут о том, что даже на карте Японские острова представляются им гигантским изогнутым фаллосом, и они не находят в себе сил сопротивляться «зову любви», готовые отдаться первому встреченному японцу. Прыщавые юноши, дружащие в реальной жизни лишь с компьютерами, более не в состоянии скрывать возбуждения при виде большеглазых девчушек «а-ля Сэйлормун» с длинными, но кривыми ногами, а не менее прыщавые девушки пытаются сменить свою сексуальную ориентацию по примеру тех же героинь. Воспрял непобедимый миф о гейшах и самураях, и вот взрослые мужчины шарят мышкой по всемирной Сети в надежде увидеть фото утонченных японских проституток, а зрелые женщины мечтают о неутомимых и щедрых любовниках из воинственного рода. И даже буквальный перевод названия страны — иероглифов «Нихон» — стал звучать как-то особенно эротично: «Страна корня солнца», «Страна солнечного корня».

Но то, что мы видим сегодня, по сути своей есть лишь возвращение к истокам: в 1926 году советский писатель Борис Пильняк написал замечательную книгу — «Корни японского солнца». Корням эротическим он посвятил едва ли не самые вдохновенные строки и честно признавался, что японская культура секса стала для него мощнейшим потрясением:

«Философия пола у всех народов упирается в метафизику, — и никогда не забуду я фарфоровой тишины рассвета в деревне, на Синюю. В этот фарфоровый рассвет, без шпика, один-одинешенек, должно быть, единственный раз так, в кимоно, я вышел со двора крестьянского дома и пошел в горы. Я писал уже об этом: там, на горе, я увидел храм, в стороне от храма сидел

мальчик, — а в чаще деревьев около храма стояла на коленях женщина, женщина обнимала клиноподобное каменное изваяние, лицо ее было восторженно. Я увидел таинственнейшее, такое, что редко удается увидеть даже японцам, — я видел, как женщина поклонялась фаллосу, — видел таинственнейшее, что есть в природе человека.

...Тогда, в тот рассвет, я смотрел на эту женщину, одетую в кимоно, перепоясанную оби, с рудиментами крылышек бабочки на спине, обутую в деревянные скамеечки, — и тогда мне стало ясно, что тысячелетия мира мужской культуры совершенно перевоспитали женщину, не только психологически и в быте, но даже антропологически: даже антропологически тип японской женщины весь в мягкости, в покорности, в красивости, — в медленных движениях и застенчивости, — этот тип женщины, похожей на мотылька красками, на кролика движениями. — Даже жены профессоров, европейски образованных людей, встречали меня на коленях. — Онна дайгаку — великое поучение для женщин — японский домострой — учит навсегда подчиняться отцу, мужу, сыну, — никогда не ревновать, никогда не перечить, никогда не упрекать. И в каждой лавочке продаются три обезьяны, символ женской добродетели: обезьяна, заткнувшая уши; обезьяна, закрывшая глаза; обезьяна, зажавшая рот. Так решили философию пола — буддизм, феодализм, восток, — и эта философия пола жива до сих пор»¹.

Что сказал бы Пильняк, знай он о том, что обезьян на самом деле не три, а пять: четвертая зажимает рукой перед, а пятая — зад? Но в те времена «лишних» двух обезьянок еще стеснялись, как тринадцатого подвига Геракла, а сегодня на поклонение к ним стоит очередь, в которой двое из троих — иностранцы. Правда, происходит это лишь раз в год, поскольку даже лидерам европейских секс-движений лидеры мировой сексуальной моды кажутся порой слишком уж раскрепощенными. Что уж говорить о ревнителях христианской морали, чье мнение однозначно: японцы — извращенцы, и точка! Еще бы: ведь они — японцы — несчастные люди, у которых нет секса в семье, которые ходят к проституткам, подвешивают их к потолку и стегают плетками! Иностранцы, жившие в Японии, согласно кивают: конечно,

извращенцы. Судите сами: японцы отправляются к хостес — девушкам в барах, которые вызывающе одеты, сексуально выглядят, ведут с клиентами неприличные разговоры, и за все за это японцы им платят — вместо того чтобы с ними спать! Оказывается, у японского мужчины, как у султана, должно быть три женщины: одна — жена, чтобы вела хозяйство, вторая — проститутка, чтобы спать с ней, третья — гейша, чтобы с ней разговаривать. Как, вероятно, все они несчастны! Но так ли это?

Век назад одна японка пеняла иностранным миссионерам: «Слово “любовь”, в его иноземном смысле, было до сих пор незнакомо нашим девушкам. Долг, подчинение, доброта — вот какие качества ожидалось от спутницы избранным для нее мужем, и в результате мы имели много счастливых, гармоничных браков. Теперь вы, дорогие сентиментальные иностранки, говорите нашим девушкам: “Выходить замуж без любви дурно; в этом случае послушание воле родителей есть грубое нарушение природных и христианских законов. Если вы любите человека, то должны пожертвовать всем, но выйти за него замуж”. Значит... все наоборот — японцы счастливы, а мы дураки?

Но если японцы знают, как быть счастливыми, то, вероятно, и мы можем? Снова погонимся за «японским чудом»? С машинами не вышло, так хоть в сексе перегоним? Но как? И надо ли? Наконец, о чем вообще речь? Что такое японский секс и почему он такой?

Конечно, это нескромный вопрос, подразумевающий нескромный ответ. Это снова — взгляд за ширму, и эта книга — о тайной жизни японского народа, внешние проявления которой тем не менее бросаются в глаза, как верхушка айсберга. Верхушка эта такова, что, увидев ее, многие раз и навсегда решают, что интимная жизнь японцев ненормальна по своей сути. Но точно ли мы знаем, что такое норма? Разве не у каждого из нас она своя, индивидуальная? И разве эта разница в восприятии не есть тоже — норма? Да, нам в вопросах секса близко европейское христианское мировоззрение с его основополагающими понятиями греха и извращений. Но японцы — не европейцы. Поэтому слово «извращение», когда мы говорим о японской сексуальной культуре, лучше брать в кавычки.

В каком-то смысле, все семьи в мире нормальны одинаково, и оттого трудно описывать обыденные интимные отношения в японской семье, потому что с таким же успехом можно рассказывать об интимных отношениях в семье, скажем, польской. Разница может оказаться только в некоторых статистических данных, но это очень важная статистика, и игнорировать ее — значит игнорировать особенности японской семейной жизни в интимной сфере. Да, сегодня «нормальных» с европейской точки зрения семей в Японии — большинство, «ненормальных» — значительно меньше. Из-за этого может показаться, что книга непропорционально много внимания уделяет «ненормальностям», рассказу о различных «извращениях». Но что делать, если в этом сегменте сексуальная палитра явно богаче красками?

Главной задачей автора при работе над этой книгой было не шокировать читателя, а спокойно и внятно объяснить, что такое японская сексуальная традиция, откуда она взялась, как развивалась, к чему привела сегодня и как может выглядеть завтра. Эта книга лишь попытка — в меру весьма скромных сил и способностей автора — проанализировать проблемы, которые возникли или могут возникнуть в связи с особенностями японского отношения к сексу у самих японцев и во всем мире. При этом работа получилась во многом компилятивная, но по-иному и быть не могло — этому способствовали обширная историческая часть и анализ современных исследований и мнений на изучаемую тему. В книге много цитат из исторической и художественной литературы, прежде всего на русском языке. Причина этого проста: если цитаты убрать, получится разговор о сексе за столом на кухне, чего не хотелось бы, а иных свидетельств, кроме литературы, японская история эротики почти не оставила. К тому же, благодаря этим цитатам, вы узнаете, где при желании прочитать о заинтересовавших вас нюансах подробнее.

Замечу особо: автор не ставил специальной задачей сравнение японской и европейской, западной (в самом широком смысле этого слова) сексуальных традиций. Все сравнения приводятся там, где без этого было не обойтись, и только там, где речь идет о зафиксированных литературой свидетельствах, потому что в других

случаях это увело бы далеко в сторону от заявленной темы.

Надеюсь, что в итоге автору все же удалось достичь желаемого. По крайней мере, я получил от этой работы массу удовлетворения. Желаю того же и вам и верю, что это только начало!

Японские имена и фамилии приведены в книге по японскому образцу — сначала фамилия, потом имя — и не изменяются по падежам.

САКРАЛЬНЫЕ НАЧАЛА

Верный путь

Точно так же как почти любая европейская или, шире, христианская традиция может быть истолкована с опорой на канонические тексты Библии (а при невозможности — на неканонические, апокрифические), так и большинство современных японских традиций, представлений о мире, нравственных, психологических основ и практических ценностей этого народа можно объяснить, ссылаясь на канонические тексты древней японской культуры синто: «Кодзики» («Записи о деяниях древности») и «Нихонги» («Анналы Японии»). По объему и качеству мировоззренческих догм «эпохи богов», когда закладывались все основные морально-нравственные ценности японцев и формировался их взгляд на мир, в том числе и на свой внутренний мир, эти две книги вполне можно назвать священным писанием японской культуры. А раз так, то мы можем найти в них хотя бы некоторые ответы на вопросы о том, как начинала складываться японская сексуальная традиция. Разумеется, не на все — колебимый интерес европейцев, например, вызывают загадочное мастерство средневековых проституткокюдзё, и скрытое от посторонних глаз (а иностранец в Японии всегда посторонний, он — гайдзин, то есть человек извне) эротическое мастерство танцовщицгейш, но в «Кодзики» ничего этого, конечно, нет. Но, с другой стороны, европейцы и американцы, создавшие мифы о сексуальности японцев, снова и снова приезжают в Страну солнечного корня, желая своими глазами

и прочими органами получения информации проверить их справедливость. И с удивлением, для кого-то переходящим в шок, сталкиваются с истинным отношением японцев к сексу, практически неизвестным за пределами этой страны. Рассуждения о том, насколько сексуальны или нет современные японцы, еще впереди, но главный принцип отмечается наблюдателями сразу: местные жители не относятся к половой любви как к чему-то сакральному, в высшей мере вожденному или сугубо интимному. Секс для японца — часть повседневной жизни, и далеко не самая важная, по крайней мере, не определяющая его жизненного пути.

Европейского или американского обывателя, воспитанного на «культуре вины», на мифе о змее-искусителе, где в одном названии сразу запечатлелись и ужас, смешанный с отвращением перед скользким гадом, и презрение к провокатору, на основополагающем для библейской морали понятии «плотского греха», такое отношение к сексу надолго выбивает из колеи, заставляя мучиться бессмысленным вопросом: «А нормальные ли люди, эти японцы вообще?»

Интересно, что сами японцы, впервые соприкоснувшиеся с христианством довольно давно, в XVI веке, поначалу эту реакцию во внимание не приняли и проигнорировали важность многочисленных сексуальных запретов далекой для них европейской культуры. Лишь позже, в Новое время, отсчет которого довольно точно можно начинать с буржуазной революции в Японии в 1868 году, они весьма рьяно принялись выполнять нравственные рекомендации христианства, усваиваемые в комплекте с набором западных новшеств вроде ношения европейской одежды или строительства линкоров. Но, как и многое в Японии, это была лишь видимость, картинка, которую японцы показывали иностранцам, чтобы не выбиваться из ряда «просвещенных» наций, не казаться дикими носителями животных устоев.

Многие исследователи сравнивают потребность японцев в сексе с необходимостью выполнения лишенных сакрального налета и какой-либо романтики физиологических функций организма, да и автору этой книги опрошенные молодые японцы чаще всего заявляли, что «секс — это что-то вроде чистки зубов, только значительно реже». На первый взгляд это выглядит шо-

кирующе, но всё не так однозначно. Ведь в соответствии с традиционными географическими и религиозно-мифологическими представлениями японцев сама их страна — результат не чего иного, как божественного соития высших сил, она поистине — Страна божественного секса, пусть и сакральность эта — сугубо японская, практичная, без придыхания.

Синто исходит из святости природы и богоугодности всего, что в ней есть, в том числе и плотской любви — а как иначе? Сами по себе синтоистские боги и богини были просты и понятны, а их желания — естественны для древних жителей архипелага. «Кодзики» и «Нихонги» недвусмысленно разъясняют: боги устроены, как люди. Высшие существа активно используют разницу в строении своих тел к взаимному удовольствию: влюбляются, сходятся, изменяют, отбивают возлюбленных — иногда близких родственников и родственниц, рожают острова, других богов и людей. Плотского греха, да и какого-либо другого в этом деле просто нет и быть не может. Поэтому само собой разумеется, что бесчисленным поколениям японцев казалось поистине варварским, идущим против воли богов, провозглашение дозволенности только супружеской любви, да к тому же только для продолжения рода. То же самое касалось и иных запретов в сексуальной жизни, принятых у европейцев, — боги-ками занимались любовью не только плодотворно, но и практически без моральных ограничений. Хотя кое-какие тонкости в этом деле существовали и в самые древние, легендарные времена. Чтобы понять, какие именно, стоит обратиться к истокам — к Первому свитку «Кодзики» — «Запискам о деяниях древности» (712 год н. э.): «Тут все небесные боги своим повелением двум богам Идзанаги-но микото и Идзанами-но микото: “Закончите дело с этой носящейся [по морским волнам] землей и превратите ее в твердь”, молвив, драгоценное копье им пожаловав, так поручили.

Потому оба бога, ступив на Небесный Плавающий Мост, то драгоценное копье погрузили, и, вращая его, хлоп-хлоп — месили [морскую] воду, и когда вытащили [его], вода, капавшая с кончика копья, стустившись, стала островом. Это Оногородзима — Сам Собой Стустившийся остров»².

Эти строки, рассказывающие о сотворении Японских островов, при желании легко можно истолковать в сексуальном контексте. Многие так и делают: слишком уж говорящей кажется им фраза о драгоценном копье и падающих с его кончика каплях. Не исключено, что их предположения обоснованы, однако столь же многочисленные профессиональные японоведы настроены в этом вопросе довольно скептически и считают, что речь идет всего-навсего о некоем драгоценном, богато украшенном волшебном копье небесного происхождения.

При известном воображении позицию первых разделить нетрудно: загадочные звуки «хлюп-хлюп» («кооро-кооро» в японском произношении), странное небесное копье, да еще богато украшенное, что само по себе уже наводит на мысль о сопоставлении с широко известным китайским образом «нефритового стержня», и в завершение — таинственные капли, порождающие жизнь... Сомнения в целесообразности такого подхода закрадываются, когда читаешь «Кодзики» не кусками, а в целом: сексуальные сцены здесь отнюдь не редкость, но изображены они значительно проще и примитивнее, как будто нарочно не оставляя простора ни для каких позднейших фантазий: «На этот остров [они] спустились с небес, воздвигли небесный столб, возвели просторные покои. Тут спросил [Идзанаги] богиню Идзанами-но микото, свою младшую сестру: “Как устроено твое тело?”; и когда так спросил — “Мое тело росло-росло, а есть одно место, что так и не выросло”, — ответила. Тут бог Идзанаги-но микото произнес: “Мое тело росло-росло, а есть одно место, что слишком выросло. Потому, думаю я, то место, что у меня на теле слишком выросло, вставить в то место, что у тебя на теле не выросло, и родить страну. Ну как, родим?” Когда так произнес, богиня Идзанами-но микото “Это [будет] хорошо!” — ответила».

Комментарии к этому фрагменту кажутся излишними — это классика японского эротического жанра. Здесь и описание тел богов — они человекоподобны, то есть понятны людям, здесь и мотивация инстинкта, до сих присущего японцам: раз есть, что и куда вставить, раз это не считается греховным (ведь греха нет!) и никак не наказывается, то почему бы и не вставить? Логичное продолжение в таком случае объясняет и быстрое

охлаждение — после нескольких подобных «проверок», не сопровождаемых каким-либо чувством, кроме любопытства, происходит естественное переключение интереса на другие объекты и цели. Удовлетворение получено, тема закрыта. Но для христианской морали это шок: Землю создает не единый творец, а два божества, супружеская пара, воспринимающая соитие не как нечто постыдное и греховное, а наоборот — как космическое соиздание. «Это будет хорошо!» — говорят друг другу вдохновленные идеей совместного секса Идзанаги и Идзанами и соединяют впадинки и выпуклости, на радость потомкам. Впервые знакомясь с подобными мифами, европейцы, «открывавшие» Страну солнечного корня, естественно, были смущены и озадачены. Сегодня нам, имеющим доступ к сказаниям о сотворении мира самых разных народов: шумеров, древних египтян, античных греков, японские кажутся необычными, экзотическими, но вряд ли шокирующими. А каково было людям, воспитанным на библейских историях, в католических традициях?! Да и протестанты, думаю, не смогли с ходу понять, как к этому относиться.

Отдельный интерес представляет вопрос с употреблением термина «младшая сестра» (по-японски *имо*), но в те времена он использовался и для обозначения жены, и для, собственно, сестры*. Последовавшее затем хождение богов вокруг небесного столба, подробно описанное в хронике, символизировало совершение супружеского обряда и исчерпывающе говорит нам о намерениях божественной пары: человеческих, с точки зрения европейцев, — божеских, по мнению японцев: «Тут бог Идзанаги-но микото произнес: “Если так, я и ты, обойдя вокруг этого небесного столба, супружески соединимся”, — так произнес. Так условившись, тут же: “Ты справа навстречу обходи, я слева навстречу обойду”, — произнес, и когда, условившись, стали обходить, богиня Идзанами-но микото, первой: “Поистине, прекрасный юноша!” — сказала, а после нее бог Идзанаги-но микото: “Поистине, прекрасная девушка!” — сказал,

* Для языческой культуры вообще, как правило, нет ничего запретного в инцесте, во всяком случае, в сексуальной связи с сестрами. В Древнем Египте Исида, жена Осириса, одновременно — его сестра, этому примеру следовали многие фараоны, да и у древних греков Зевс женат на своей сестре Гере.

и после того, как каждый сказал, [бог Идзанаги] своей младшей сестре возвестил: “Нехорошо женщине говорить первой”, — так возвестил. И все же начали [они] брачное дело, и дитя, что родили, [было] дитя-пиявка. Это дитя посадили в тростниковую лодку и пустили плыть. За ним Ава-сима — Пенный остров родили. И его тоже за дитя не сочли».

Написанный чуть позже «Нихонги» (720 год н. э.) вносит в данный эпизод существенное уточнение: Идзанаги и Идзанами хотели близости — то есть и по этой версии желание соития было нормальным для богов, а следовательно, и для людей, — но они не знали, как это делается. Естественно, на помощь пришла матушка-природа, что целиком согласуется с натуралистичным смыслом культа синто: «И они [боги Идзанаги и Идзанами] хотели совокупиться, но не знали, как это делается. И тут появилась трясогузка, которая начала подрагивать хвостом. Увидев это, боги освоили это искусство и обрели путь соития».

Обратите внимание на слова «искусство» и «путь» — японцы раннего Средневековья сразу поставили секс на уровень не постыдного занятия, как это произошло в христианской Европе, а высокого искусства, учиться которому можно всю жизнь, — на уровень Пути. И учеба не заставила себя ждать, начавшись с анализа ошибок: «Тут два бога, посоветовавшись, сказали: “Дети, что сейчас родили мы, нехороши. Нужно изложить это перед небесными богами”, — так сказали, и вот, вместе поднялись [на Равнину Высокого Неба] и испросили указание небесных богов. Тут небесные боги, произведя магическое действие, изъявили свою волю: “Потому нехороши [были дети], что женщина первой говорила. Снова спуститесь и заново скажите”, — так изъявили. И вот тогда спустились обратно и снова, как раньше, обошли тот небесный столб. Тут бог Идзанаги-но микото, первым: “Поистине, прекрасная девушка!” — произнес, после него богиня Идзанами-но микото, жена: “Поистине, прекрасный юноша!” — произнесла. И когда, так произнеся, соединились, дитя, которое родили, [был] остров Авадзи-но-хо-но-са-вакэ».

Идея о том, что «небесный столб», вокруг которого следует обойти супружеской паре, прежде чем зачать ребенка, есть не что иное, как гигантское (или, по край-

ней мере, очень большое) изображение или статуя фаллоса, вовсе не принадлежит современным тайным эротоманам. Известный специалист по японским мифам Хирата Ацутанэ выдвинул эту гипотезу еще в прошлом веке, опираясь на исследования фаллических культов, до сих пор сохранившихся в японской провинции, да и не только в ней. Его коллега Мацумура Такэо соглашался с ним и добавлял, что хождение вокруг столба-фаллоса являлось в древней Японии частью брачного обряда, совершаемого с целью увеличить плодовитость семьи, укрепить жизненную силу. Интересно, что незадолго до того, как Идзанаги и Идзанами решили экспериментальным путем удовлетворить свой интерес, божественным образом явились и другие высшие существа, в числе которых находилась и некая «младшая сестра» по имени Икугуи-но ками — богиня таящего живую жизнь столба. Но самое интересное все-таки было в том, что боги сразу определили, кто все-таки должен сказать «А», а кто «Б», кто «первичнее», а кто «вторичнее», наконец, кто в семье главный.

Богиня-женщина Идзанами, восхищенная богом-мужчиной Идзанаги, не смогла сдержать слов восторга: «Поистине, прекрасный юноша!» Идзанаги ее не поддержал: «Нехорошо женщине говорить первой», но все же согласился соединиться с ней — как выяснилось, только для того, чтобы утвердиться в своих сомнениях. Первый ребенок оказался «дитем-пиявкой». Комментаторы «Кодзики» и «Нихонги» считают, что речь идет о ребенке, либо родившемся без рук и ног или без костей, либо парализованном — в любом случае это явное описание какого-то генетического уродства (так же как и «пенный» остров Авасима — нельзя понять: пена — это суша или море), ставшего результатом того, что женщина заговорила первой и первой призналась мужчине в своих симпатиях к нему. Идзанами нарушила божественный порядок вещей, ее инициатива стала несчастливым предзнаменованием и привела к беде. Практически все исследователи японской древности отмечают, что в словах Идзанами и во всем этом конфликте выражена основополагающая идея о главенстве мужчины и подчиненном положении женщины в японском обществе. Скорее всего, именно такие патриархальные отношения царили в Японии времен сотворения «Кодзи-

ки», и они не сильно изменились до сегодняшнего дня. При предельно простом отношении древних японцев к самому половому акту общественные устои уже тогда четко определяли, кто должен говорить первым, кто в доме хозяин и когда можно рожать детей.

В дальнейшем при подсчете потомков богов «неудачные дети» вроде ребенка-пиявки или острова Ава-сима в число детей не включались; все подобные «наследники» были рождены до «оформления» брака, то есть до повторного хождения вокруг «небесного столба», как это произошло, например, с отвергнутым островом Оногородзима — он родился из капель соли. «Правильные», «оформленные» боги рождались «правильным путем» — об этом свидетельствует описание появления сына Идзанаги и Идзанами — бога огня, при рождении которого было опалено лоно Идзанами, после чего она заболела и вскоре умерла.

Высший уровень стриптиза

В «Кодзики» на многочисленных примерах не только раскрываются истоки отношения японцев к сексу, там же повествуется и о легендарных прообразах некоторых современных элементов японской эротической культуры, включая любимый жителями Японии стриптиз. Один из самых знаменитых эпизодов «Записей о деяниях древности» с уже привычной нам натуралистичностью изображает богоугодность прилюдного раздевания и в чем-то оправдывает будущую некоторую склонность части японцев к эксгибиционизму и вуайеризму, абсолютно естественную, впрочем, в условиях средневекового японского быта.

Вот как выглядел результат конфликта между божественными братом — богом ветра и его не менее почитаемой сестрой — прародительницей японского императорского рода богиней-солнце — великой и священной Аматэрасу оо-ми-ками: «...бог Хая-Суса-но-о-но микото Великой Священной Богине Аматэрасу оо-ми-ками сказал: “Мои намерения чисты и светлы. Потому рожденных мною детей — нежных женщин я получил. Так что, само собой, я победил”, — так сказав, в буйстве от [своей] победы, межи на возделанных полях

Священной Богини Амата́расу оо-ми-ками снес, [оросительные] каналы засыпал.

А еще — в покоях, где отведывают первую пищу, испражился и разбросал испражнения.

И вот, хотя [он] так сделал, Великая Священная Богиня Амата́расу оо-ми-ками, [его] не упрекнув, сказала: “На испражнения похоже, но это братец мой — бог, наверное, наблевав спьяну, так сделал. А то, что межи снес, каналы засыпал, — это, наверное, братец мой — бог, землю пожалев, так сделал”, — так оправдала [его], но все же его дурные деяния не прекращались, а стали еще безобразнее. В то время, когда Великая Священная Богиня Амата́расу оо-ми-ками, находясь в священном ткацком покое, ткала одежду, что положена богам, [бог Суса-но-о] крышу тех ткацких покоев проломил и небесного пегого жеребчика, с хвоста ободрав, внутрь бросил.

Тут небесные ткачихи, увидев это, испугались, укололи себя челноками в тайные места и умерли.

И вот тогда Великая Священная Богиня Амата́расу оо-ми-ками, увидев [это], испугалась и, отворив дверь Амэ-но-ивая — Небесного Скалистого Грота, укрылась [в нем]. Тут вся Равнина Высокого Неба погрузилась во тьму, в Тростниковой Равнине — Серединной Стране повсюду темень стала. Из-за этого вечная ночь наступила...»

Обратим внимание на два момента: отношение богини к своему буйному брату, фактически лишившему ее земли урожая и нагадившему в покоях сестры: скорее всего, бог ветра был пьян, а к пьяным в Японии со времен богини Амата́расу соответствующее — трогательное — отношение. И лишь когда Суса-но-о нарушает покой небесных ткачих, оскверняя их покои нечистым животным (в Японии, как и во многих других странах, все, что связано с мясом, кровью, выделкой шкур, считалось нечистым), Амата́расу выходит из себя. Перед этим небесные ткачихи, доказывая чистоту помыслов, лишают себя жизни, проткнув ткацкими челноками «тайные места», скорее всего — по мнению японских комментаторов, матку. В «Нихонги» в рассказе об эпохе правления легендарного императора Судзин мы находим еще одно упоминание о подобном, сугубо женском способе самоубийства. Принцесса Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото, бывшая оракулом бога Омоно-

нуса, стала его супругой. Но бог приходил к ней только по ночам, а принцессе, любопытной, как и все женщины, очень хотелось увидеть его при дневном свете: «...Сказала [как-то] своему супругу Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото: “Никогда не видно тебя днем, и я так и не могу узреть твоего священного лика. Прошу тебя, побудь подольше. Мечтаю я, чтобы ты позволил мне нижайше лицезреть твою прекрасную наружность при свете дня”. Великий бог рек ей в ответ: “Доводы твои веские. При дневном свете я войду в твою шкатулку для гребней. И прошу тебя, не пугайся моей наружности”, — так молвить соизволил.

Подивилась Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото в душе своей, дождалась рассвета, заглянула в шкатулку для гребней, а там — прелестная маленькая змейка. Длина и толщина ее — вроде как у шнурка, которым одежду подвязывают.

Испугалась [Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото] и закричала. Тогда Великий бог от стыда тут же превратился в человека и сказал своей жене: “Ты не стерпела [закричала] и тем навлекла на меня позор. Раз так, то я вернусь [на небо] и на тебя позор навлеку”, — так молвил.

И вот, по воздуху ступая, стал подниматься на гору Мимо-ро-но яма. Запрокинула Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото голову, чтобы на него вверх смотреть, раскаялась, да тут и наземь села. Проткнула себе потаенное место палочками для еды и скончалась»³.

Могилой принцессы считают большой курган близ горы Мива, который называют Хасихака («Могила палочек для еды»). Как объяснить такой жестокий вариант лишения себя жизни, если только гуманные способы вообще существуют? Может быть, женщины демонстрировали таким образом, что оскорблена именно их женская сущность? Думается, здесь большой простор для интерпретаций, но пока вернемся к «Кодзики»*. Как вы помните, мы оставили богиню Аматаэрасу в самый напряженный момент мифа — она скрылась в загадочной пещере, а скорее всего, в своем дворце, оставив тем

* Кстати говоря, в Третьем свитке «Кодзики» содержится и первое в истории упоминание о двойном самоубийстве влюбленных, ставшем весьма популярным в Японии в Средние века.

самым своих подданных, царство Ямато, весь японский народ в жуткой темноте.

Другие боги предпринимали самые разные усилия, чтобы снова выманить ее на свет, и здесь как раз и случилось то, что японские актеры называют сегодня «моментом возникновения японского театра», гейши — первым эротическим выступлением, современные исследователи — несомненным примером первого в мировой истории поистине божественного стриптиза.

«Амэ-но-удзумэ-но микото — Небесная Богиня Отважная, рукава подвязав лозой, с небесной горы Кагуяма, из небесной лозы Сасаки сетку кадзура сделав, листья Саса с небесной горы Кагуяма пучками связав, пустой котел у двери Небесного Скалистого Грота опрокинув, ногами [по нему] с грохотом колотя, в священную одержимость пришла и, груди вывалив, шнурки юбки до тайного места распустила».

Последовала естественная реакция: «Тут Равнина Высокого Неба ходуном заходила — все восемьсот мириад богов разразились хохотом. Тогда Великая Священная Богиня Ама-тэрасу-но оо-ми-ками, странным это сочтя, дверь Небесного Скалистого Грота чуть приоткрыла...»

Этого было достаточно, чтобы боги, караулившие Ама-тэрасу у входа в пещеру, не позволили ей снова уйти в тень: «И вот, когда Великая Священная Богиня Ама-тэрасу-но оо-ми-ками выйти [из грота] изволила, тут и Равнина Высокого Неба, и Тростниковая Равнина — Серединная Страна, сами собой, озарились светом».

Эту сцену, попавшую в фильм режиссера Инагаки Хироси под простым названием «Рождение Японии», считают классической иллюстрацией сексуально-магических верований всех древних людей, а отнюдь не только японцев. Считается, что элементы ритуального стриптиза были присущи многим племенам, населявшим когда-то землю, но все же именно у японцев в историко-литературном произведении запечатлелся социально-планетарный характер стриптиза, связанный с магией женского тела вообще и гениталий в частности. Некоторые историки даже имя богини, спасшей Землю, — Амэ-но удзумэ — переводят как «Жуткая небесная самка», что, возможно, несколько чересчур, но, так

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru